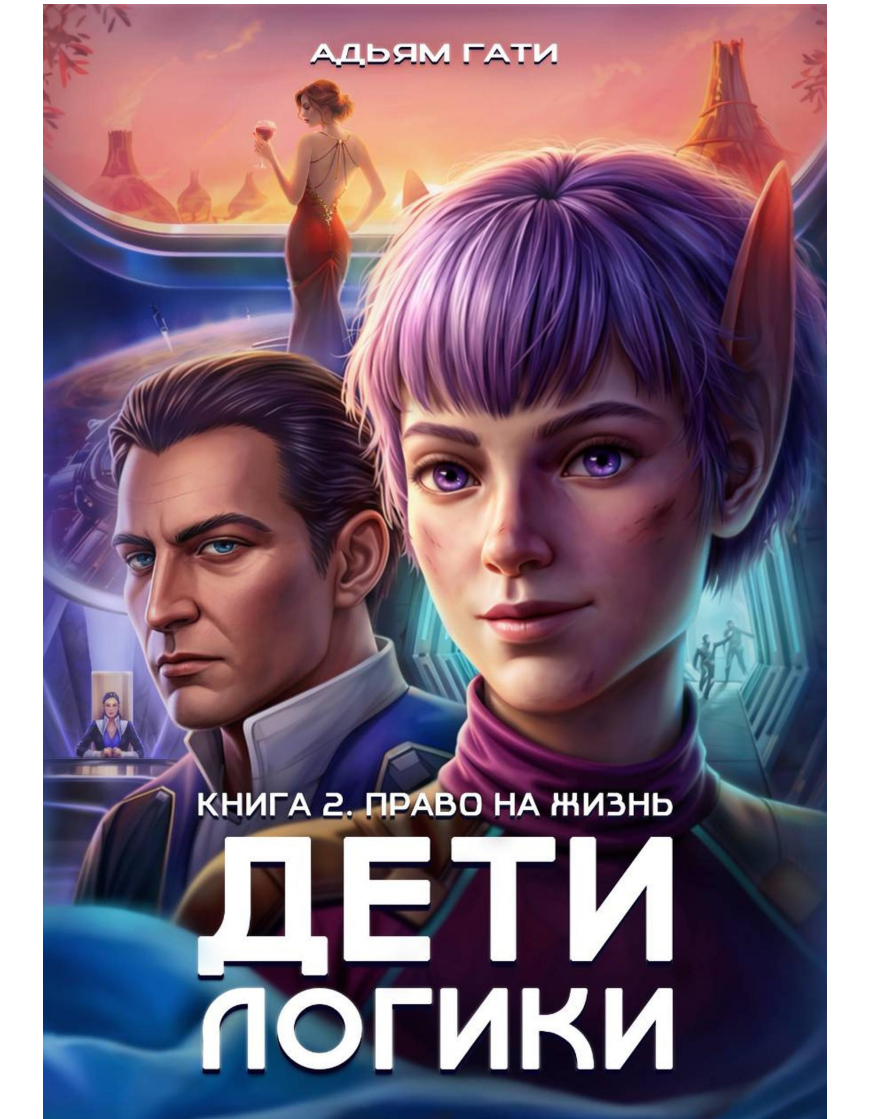

The book cover features a vibrant, sci-fi illustration. In the foreground, a young woman with short, layered purple hair and purple eyes looks directly at the viewer with a calm expression. She has a small red mark on her cheek and wears a purple turtleneck. To her left, a man with dark hair and blue eyes, wearing a blue and white uniform, looks off to the side with a serious expression. In the background, a woman in a red dress stands on a balcony, holding a glass of red wine, looking out over a futuristic city with glowing structures and a large planet in the sky. The overall color palette is dominated by purples, blues, and oranges.

АДЪЯМ ГАТИ

КНИГА 2. ПРАВО НА ЖИЗНЬ

ДЕТИ ЛОГИКИ

Адьям Гати

Дети логики: Право на жизнь

<https://litres.ru/74284399>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лишившись привилегий габбро, Кодама вынуждена теперь сама заботиться о своем существовании. Девушка быстро понимает, что не умеет быть по-настоящему самостоятельной, а кажущаяся ей свобода выбора была лишь жизнью под чужой опекой. Гены обуславливают ее поведение и толкают на отчаянные поступки, о последствиях которых габбро далеко не всегда сожалеет. Кенуи не в восторге от их вынужденного союза, но ставит безопасность Коджора превыше собственного комфорта. Ради будущего своей родины он готов ввязаться в любую авантюру. Правда, истинное положение дел сокрыто за такой паутиной интриг, что до конца не ясно, кто какие цели преследует и чьей поддержкой можно заручиться.

Содержание

Глава 1.1	4
Г	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Адьям Гати Дети логики: Право на жизнь

Глава 1.1

Смерть уже приходила за ней дважды: сжимала в своих болезненных кровавых объятиях, выдавливая из тела то, что называют здравым смыслом. Свидания с ней были невыносимы, но каждое в итоге заканчивалось озарением. Близость конца давала габбро понять, какими незначительными и бесполезными знаниями забита её голова. Сколько бы моделей поведения, законов или формул она ни знала — все они были бесполезны перед эмоциональным помешательством, в которое девушку вгоняла боль.

Кенуи спрашивал её, зачем сначала намеренно наносить себе увечья, а после молить о скорой смерти. Ответ на его вопрос оказался до боли простым: не можешь соответствовать критериям жизни — покончи с ней. Такая установка властвовала над всеми без исключения габбро, повергая их совершать самоубийства всякий раз, когда ситуация выходила за рамки их понимания. Вот только объяснить это Кодама была не в силах, потому как в моменты агонии её мозг пред-

почитал переключать все ресурсы на восстановление эмоционального равновесия, а не запоминать подробности.

В этот раз всё произошло иначе, и вместо боли девушку охватила всепоглощающая усталость. Габбро понимала, что является для Кенуи обузой, поэтому решила рассказать ему про Коджор и попросить найти Нтуи Кнолти, от результатов семантического анализа которого зависела судьба планеты. Кодама сочла такое решение самым логичным в сложившейся ситуации и представить себе не могла, какие оно повлечёт за собой последствия. Её признание стало для Кенуи сильнейшей мотивацией выжить в этом негостеприимном месте, и его настойчивость спасла их обоих.

Ледяные объятия смерти в очередной раз пощадили Кодаму. Габбро открыла глаза, увидела воду и с криком попыталась вскочить на ноги: она хорошо запомнила, что эта стихия недружелюбна.

— Держу я тебя, успокойся, — раздался над ухом голос Кенуи. — Как себя чувствуешь?

— Дурно, — односложно ответила девушка и откинулась обратно ему на плечо.

Перед глазами встала тёмная пелена, а сердце бешено застучало: какое-то время назад она замерзала насмерть, теперь же по лицу тёк крупный пот. Руку астростопера габбро действительно ощущала у себя на талии, но несмотря на такое близкое соседство почти не чувствовала запаха Кенуи. Потеря обоняния, однако, её сейчас мало заботила. Мысли

Кодамы были сосредоточены на исходившей от термального источника духоте, из-за которой девушка была готова снова потерять сознание.

Кенуи зачерпнул в ладонь воды и умыл её.

— Если совсем плохо — вылезай, — произнёс он, кивая в сторону берега. — Обсохнешь и можешь надеть мою куртку.

— Где мы? — спросила Кодама, вяло оглядываясь и обнаруживая, что всё вокруг сокрыто непроглядным белым туманом.

В следующий момент ветер разогнал его рваные клочья, и взгляду габбро на краткий миг предстала фумарола. Небольшая трещина, окаймлённая светло-жёлтой коркой серы, разверзлась неподалёку от источника и исправно источала в воздух свои ядовитые пары. Стоило ветру сменить направление, и их удушливое облако тотчас бы опустилось на природный бассейн. Могло показаться, что Кенуи выбрал не лучшее место для восстановления сил, но стоило девушке коснуться рукой земли, и она всё поняла. Им сейчас нужно было тепло, чтобы выжить, а без термальной энергии недр этот бассейн представлял бы собой чашу ледяной воды, окружённой голыми скользкими камнями. В сложившейся же обстановке на них даже можно было высушить вещи, что астростопер и предпринял.

До ушей габбро долетели слова Кенуи. Он рассказывал, как тащил её сюда через узкую болотистую полосу, исчерченную змеями ручьёв, и как вконец одуревший упал на ко-

лени перед этим источником. Давно его так не мучила жажда. Мужчина с усмешкой вспомнил, что чуть не кувырнулся тогда лицом в воду, пытаясь проверить, пригодна ли она для питья и купания.

— Я хочу выйти, но у меня кружится голова, — прервала повествование Кодама.

Кенуи помог ей выбраться на берег, и девушка без сил опустилась на тёплые камни. Ветер сбил с её лица пот, и габбро почувствовала себя лучше.

— Да, знатно я сегодня сглупил, — с неохотой признал астростопер, рассматривая краем глаза синяки, украшавшие руку девушки. — Надо было дать тебе отдохнуть в том гроте и дожждаться улучшения погоды.

Кодама ничего ему не ответила и переключила своё внимание на тени скользящих друг над другом облаков. Кенуи понимал, что она имеет полное право обижаться на него, но всё же осознавать это было немного странно. Она ведь была габбро.

Мужчина выбрался на берег и сел на большой плоский камень.

— Я был раздражён тем фактом, что с твоим появлением всё пошло не так, — заговорил он. Кодама теперь являлась важным информатором, и астростопер хотел расположить её к себе, чтобы больше узнать о Коджоре. — Ты не знакома с такой жизнью, поэтому считаешь, что я всё делаю тебе назло... Однако всё, что я делаю, и о чём прошу тебя, направ-

лено на то, чтобы мы выжили.

— Я согласна подчиняться тебе, — произнесла габбро, не поворачивая головы.

— Что?

— Ты подготовлен к таким условиям, — пояснила Кодама. — Я согласна выполнять любое твоё требование.

Кенуи молча хмыкнул — уж лучше бы она обиделась, — поднялся на ноги и сходил за вещами. Рабочий костюм был ещё влажным, но времени ждать у них не было: ветер переменялся и принёс с собой запах сернистых испарений. Нужно было скорее уходить, чтобы не отравиться ядовитыми парами.

— Кора местами тонкая — упадёшь и сразу сваришься заживо, так что ступай за мной след в след, — предупредил астростопер. — Дышать будешь через этот фильтр, и глаза прикрывай, если попадём облако.

Кенуи оторвал полосу ткани от её одежды и повязал себе на лицо. Судя по тому, что габбро до сих пор не жаловалась ему на зловония недр земных, Иг хорошо приложил её по носу.

Сверившись с компасом, астростопер зашагал в северном направлении, зорко смотря себе под ноги. Земля была настолько горячей, что её тепло кое-где ощущалось даже сквозь ботинки, такие участки мужчина старался проходить как можно скорее. Широко расставляя ноги, он переступал через распутия дымящихся ручьёв или серые булька-

ющие ямы. Там, где Кенуи достаточно было сделать шаг, габбро приходилось прыгать, и девушка всё чаще дёргала его за руку, требуя этим молчаливым жестом дать ей минуту, чтобы перевести дух. Астростопер хорошо понимал состояние спутницы: примерно так же он чувствовал себя, ища потерявшегося гардюка. Вот бы сейчас оседлать то существо — тогда пятнадцать километров пути показались бы им смехотворной преградой.

Идею пройти серные поля насквозь, Кенуи отмёл довольно быстро. Выдерживать точное направление на такой местности не представлялось возможным, поэтому, чуть только под ногами начали появляться полосы песка, астростопер без колебаний свернул в сторону повышения рельефа. Кашель тут же перестал донимать его, и мужчина окончательно убедился в правильности своего решения.

Спустя какое-то время бело-рыжая с проплешинами серы поверхность сменилась лавовым полем. Они ступили на язык древнего извержения, и долина приобрела слабый уклон. Пронизывающий ветер снова дал о себе знать, однако благодаря ему видимость улучшилась, и Кенуи смог заняться поисками убежища. О том, чтобы добраться сегодня до базы не могло быть и речи, вдобавок мужчина хотел прежде основательно побеседовать с габбро. Ступая по бугристой лавовой поверхности, поросшей ковром из мхов и лишайников, он продумывал, какие вопросы задаст девушке. Кенуи не торопился признаваться ей в том, что является уро-

женцем Коджора, чтобы не вызвать лишних вопросов и не дать дополнительный рычаг давления на себя. Он и так уже слишком о ней заботился и, зная себя, понимал, что может в итоге увлечься.

— Я хочу отдохнуть, — произнесла Кодама, перелезая через крупный округлый валун и тяжело вздыхая.

— Пять минут, — согласился астростопер и протянул ей флягу с водой. — Много не пей, горло застудишь.

Воспользовавшись привалом, Кенуи оглядел местность: видимость всё улучшалась, суля к вечеру ясное небо, и контуры равнины плавно проступали из тумана. Есир предупреждала его о местных хищниках, и любой камень теперь порождал у мужчины иллюзию, что за ними кто-то следит. Он не стал раньше времени пугать габбро, но чем дальше они уходили от зловонных полей, тем внимательнее Кенуи вслушивался в каждый шорох.

— Расскажи мне о психокоррекции, Кодама, — попросил астростопер, прикладывая к губам флягу и делая маленький глоток. — Что это за процесс?

— Почему он тебя интересует?

— Ты закатила такую сцену сегодня на станции... Захотел узнать, как можно лишить кого-то собственного Я. Ты говори громче, а я схожу ту лужу проверю. Воды я предпочитаю иметь с запасом.

Девушка начала неспешно объяснять, как происходит смена модели поведения, но делала это с явной неохотой.

Процесс состоял из нескольких стадий: изоляции, контроля и внушения новой рабочей модели. По окончании каждого контракта габбро возвращались на родину в изолированном шаттле и проходили ряд медицинских проверок, после которых их на неопределённое время запирали в голой белой комнате. В помещении были только узкая койка и санитарный узел, а еда подавалась через отверстие в стене. За состоянием заключённых следила автоматика, и они, таким образом, лишались любой возможности проявить себя, но привыкший к работе мозг с каждым днём всё больше требовал хоть какой-нибудь информации. Пребывание в замкнутом помещении в итоге повергало габбро в состояние маниакальной ломки.

Кодама плохо помнила эту фазу процесса, зато учебный модуль и чувство удовлетворения прочно осели в её памяти. Манящий экран с инструкциями тогда становился для неё самой желанной вещью в мире, настолько важной, что всю информацию с него девушка принимала за единственно верную.

— Звучит жутковато, — высказал своё мнение Кенуи, — только не похоже, чтобы ты при этом память теряла.

— Нет, — согласилась габбро, — психокоррекция влияет не на память, а на мировосприятие. Я не хочу, чтобы мои эмоции и свобода воли были снова подавлены.

— Не сочти за грубость, — многозначительно хмыкнул астростопер, — но мне кажется, тебе лучше жить без них.

Без эмоций ты куда менее опасна для общества.

— Либо я буду жить так, как сочту нужным, либо умру, — серьёзно ответила габбро, давая понять интонацией, что больше не хочет об этом говорить.

Кенуи согласно пожал плечами и поднялся на ноги, однако последняя фраза его глубоко тронула, ведь мужчине в своё время довелось испытать схожие душевные терзания. Попав на научно-исследовательскую станцию, он потерял всё и даже на родном языке не мог ни с кем поговорить. Смерти Кенуи предпочёл адаптацию, но чувство вины так и не отпустило его, а лишь притаилось, задавленное грузом новых эмоций и ощущений.

— Идём, — произнёс астростопер, растирая замерзающие пальцы. — Обещаю, что встанем на ночёвку, как только я найду топливо для костра. Надеюсь, оно здесь будет.

Они снова принялись штурмовать волнистые гряды излившейся некогда лавы. Перемещаться по такой местности оказалось ещё утомительнее, чем по серным полям, вдобавок остатки тумана и однородный, но неровный рельеф скрадывали истинные расстояния. Уже проглядывали на горизонте очертания скал, запиравших равнину, однако сегодня до них было уже не добраться. Да и ни к чему это, ведь там точно не будет ничего расти. Кенуи внимательно поглядывал по сторонам, но никакой растительности выше треклятого скользкого мха ему на глаза не попадалось. Меж тем начало вечереть, и как только они набрали на отдельно сто-

ящую вздыбленную возвышенность, за которой можно было скрыться от ветра, астростопер сдался. Минута за минутой сумерки сгущались вокруг них, скрадывая серные поля и чёрные скалы, только всполохи закатного неба светились над тёмным потерявшим объём рельефом.

Кенуи с недоверием поддел мыском ботинка щетинистый лишайник: сгодится на растопку, вот только запалить им тут определённо нечего. В следующий момент на глаза астростоперу попались пучки обесцвеченного мха, и он наклонился, чтобы потрогать их. Побег оказался сухими, и Кенуи тогда сразу вспомнил об одном своём споре с экзобиологом.

— Если дадут хотя бы слабый свет, Леций, я при встрече тебя расцелую, — усмехнулся мужчина, кладя охапку омертвевшей растительности на подожжённый трут.

Пламя так запылало, что чуть не опалило ему пальцы — астростопер восхищённо выругался и велел Кодаме искать сухой мох. Сбор топлива немного согрел их, и, когда темнота сделала все цвета чёрными, рядом с костровищем уже выросла внушительная куча побегов. Кенуи сгрёб её себе за спину и снова развёл огонь, разложив топливо дугой, чтобы лучше грело.

— Снимай костюм, я просушу его, — сказал он, стягивая с себя футболку, и непроизвольно вздрогнул от вечерней прохлады.

Подкатив ближе к костру несколько крупных булыжников, мужчина разложил одежду на обращённой к огню сто-

роне и отогрел близ пламени ладони. Костёр полыхал на славу, хоть и требовал постоянной подпитки. Кенуи бросил в него новую порцию мха, повернулся к огню спиной и снова вздрогнул, но уже от разливавшегося по телу тепла. Когда его радости не разделяла: габбро так трясло, что от одного только взгляда на неё делалось холодно. Астростопер передёрнул плечами и расстелил перед собой извлечённый из кармана брюк аварийный спальный мешок.

— Садись, согрею, — позвал он. — Спрячь ладони подмышками и подожми к груди ноги.

Накинув на плечи любимую куртку, Кенуи облокотился спиной о камень и прижал к себе девушку.

— Значит так, Кодама, — изрёк он после непродолжительной паузы, — я должен как можно больше узнать о твоей связи с Коджором, чтобы найти этого твоего...

— Несиса? — уточнила габбро.

— Нет, другого... Который всё поймёт, когда я скажу ему про планету.

— Нтуи Кнолти, — кивнула девушка. — Он пребывал на станции в качестве лингвиста и смог распознать в языке местных племён какой-то очень древний диалект. Помимо Коджора Федерацией была установлена связь с ещё одной группой колонистов, покинувших нашу систему в то же время. Нтуи Кнолти должен был провести сравнительный анализ их языков и ряда других социальных факторов.

Кенуи понял, о ком она говорит, и вздрогнул: теперь он

вспомнил того учёного и его нудные лекции. На станции были ещё робкая девушка врач, множество военных и начальница с серьёзным лицом. Образ Латиэл почему-то прочно врезался мужчине в память.

— И где этот твой лингвист сейчас? — спросил он, отгоняя нерадостные воспоминания.

— Я не знаю.

Кенуи громко присвистнул и подбросил в костёр очередную охапку топлива.

— Но я знаю адрес отправки файла с данными, — дополнила Кодама. — Ещё он заикается, когда сильно нервничает.

— Прекрасно!.. — изрёк мужчина, переворачивая сушащиеся вещи. — Искать заику в компании суицидницы, за которой гоняется какой-то психопат с размалёванным лицом — это то, о чём я мечтал!

Он подбросил в огонь ещё мха и пристальным взором окинул волнистый контур равнины: никакого движения или проблеска глаз, тишина, точно на кладбище. Хорошо бы, чтобы местные хищники оказались дневными животными, потому как в светлое время суток с ними легче будет справиться. Кенуи ещё раз скользнул взглядом по равнине и уставился на костёр. Живот его громко заурчал, и мужчина вспомнил, что с утра ничего не ел. Запустив руку в нужный карман, он извлёк оттуда несколько плиток аварийного питания и протянул одну девушке.

— Терпеть их не могу, но нужно поесть, — произнёс аст-

ростопер, вскрывая упаковку и разом проглатывая содержимое. — Обоняние к тебе ещё не вернулось?

Кодама покачала головой.

— Славно, а то эти штуки воняют, как залежавшаяся одежда.

Горизонт вдруг озарился светлым пятном, и долину с шумом пересёк поисковый корабль. Костёр выступал довольно-таки приметным ориентиром, чтобы разглядеть его сверху, так что завтра можно было рассчитывать на воздушное сопровождение или даже встречу со спасательным отрядом. Кенуи проводил взглядом удаляющееся судно и отметил про себя, что с таким упорством его разыскивают впервые. Вроде и не натворил ничего особенного, разве что девушку с собой прихватил.

— Ты считаешь меня опасной? — прервала его размышления Габбро.

— Тебя?! — рассмеялся мужчина. — Как сказать! Благодаря тебе я чуть не отправился на тот свет пару раз, да и твоя беспринципность сильно напрягает... пожалуй, опасней тебя будет только Лаира. Из-за неё, кстати, мы с тобой и познакомились.

Кодама восприняла эти слова всерьёз и спросила, как ей следует себя вести, чтобы не вызывать у окружающих тревоги. Габбро сказала, что хочет убедить начальника станции не отправлять её на родную планету, а дать поговорить с Несисом Алтисом. Для этого ей нужно было создать о себе сугубо

положительное впечатление, что сделать будет сложно, учитывая, при каких обстоятельствах они с Кенуи сбежали.

— Хороший вопрос, — хмыкнул астростопер, — зависит от того, какие обвинения нам предъявят. Поверь мне, лучше на твою планету, чем в тюрьму.

Кодама обхватила себя руками и нервно потёрла плечи. Пальцы сами собой потянулись к мочкам ушей, и габбро подумала, что лишиться своего главного отличительного признака, возможно, было не такой уж плохой затеей. Кмагон обещал ей всё, кроме свободы, но вкусив её трудности, девушка начала сомневаться, что приняла тогда правильное решение.

Кенуи попросил её встать и как следует прогреться перед сном у костра, а сам принялся раскладывать спальник. Нужно было обеспечить Кодаме комфортный сон, чтобы она сдюжила завтрашний переход. Скатав из куртки подушку и набросав по периметру ложа мха для дополнительного тепла, астростопер перевел парализатор в боевое положение и положил оружие на камень у изголовья. Бросив в костёр последнюю большую охапку, он втиснулся вслед за девушкой в узкий спальник и попытался принять удобную для сна позу. С габбро под боком эта ночь обещала быть жаркой.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.